

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ВЕРОЯТНОСТЬ ОБОСТРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ В 2020-е ГОДЫ

Алексей Малашенко*

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М.Примакова
Российской академии наук

ORCID: 0000-0001-8862-304X

© А.Малашенко, 2021 г.

DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-120-132

Аннотация В статье анализируются конфликты на Ближнем Востоке в начале 2020-х годов. Наибольшее внимание уделено обстановке в Сирии, Ливии и Йемене – трем конфликтам, которые прогрессируют и не имеют окончательного решения. Движимые социальными, экономическими и политическими причинами, они стали продолжением тех протестов, которые начались в 2011 г. и получили название «арабской весны». Данные «революции» поддерживались исламистскими движениями и группами, деятельность которых стала ключевым фактором напряженности в регионе. Попытки конфликтующих сторон достичь устойчивого консенсуса пока остаются безуспешными. Позитивное разрешение актуальных и потенциальных конфликтов на Большом Ближнем Востоке в значительной мере зависит от таких внешних акторов в регионе и за его пределами, как Россия, Турция, Иран и США. Однако каждый из акторов, вовлеченных в эти конфликты и в их регулирование, преследует собственные цели, пытаясь сохранить свои позиции и влияние в данных ближневосточных странах и в регионе в целом. Сделан прогноз о вероятности возникновения новых конфликтов в регионе (например, в Ираке, странах Персидского Залива и т. д.), которые могут стать своеобразной второй волной «арабской весны».

Ключевые слова Ближний Восток, Сирия, Ливия, Йемен, вооруженные конфликты, регулирование конфликтов, ислам, внешние акторы

Title Conflicts in the Middle East: prospects for escalation in the context of general regional instability in the 2020s

Abstract The article analyses Middle Eastern conflicts in the early 2020s. The main focus is on the situation in Syria, Libya, and Yemen, three Middle Eastern conflicts that are progressing, with no solution in sight. These conflicts motivated by social, economic and political reasons became a progression of those protests that have started in 2011 and have been called “The Arab Spring”. These “revolutions” have been promoted by Islamist movements and groups whose activity became one of key factors of perpetual tensions in the region. So far, attempts by conflict parties to find consensual solutions have remained rather unsuccessful. Positive resolution of actual and potential conflicts in the Greater Middle East to a significant extent still depends on external regional and non-regional actors, such as Russia, Turkey, Iran, and the United States. However, each actor involved in

* Малашенко Алексей Всеволодович – главный научный сотрудник Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН, доктор исторических наук.

Alexey Malashenko is chief researcher, Department on International Political Issues, IMEMO, Moscow.

these conflicts and in conflict management pursues its own goals. These actors try to retain their positions and influence in these Middle Eastern countries and in the region as a whole. According to the forecast made in the article, more conflicts in the region may be foreseen (in Iraq, the Persian Gulf states etc.) that could form the next wave of the “Arab Spring”.

Keywords Middle East, Syria, Libya, Yemen, armed conflicts, conflict resolution, Islam, external actors

I. «Арабская весна»

С 1940-х годов конфликтогенность на Ближнем Востоке остается имманентным фактором ситуации в регионе. Вооруженные конфликты возникают как на государственном, так и на региональном уровнях, при этом такие конфликты взаимосвязаны и взаимозависимы. Их причины – хроническая нерешенность социально-политических проблем, волнообразный социальный протест, противоречия между различными политическими группами и кланами. Отсюда поиск альтернативы, в том числе исламской, как основы для преобразования общества и государственной системы.

Известный турецкий политик, министр иностранных дел Ахмет Давутоглу считает, что на Ближнем Востоке «перемены должны происходить согласно динамике развития каждой его страны, а не благодаря внешнему вмешательству».¹ Однако такой тезис звучит идеалистически, особенно в условиях, когда каждый внутренний конфликт выходит за рамки национальных границ, обретая региональный, а зачастую и более широкий международный характер.

Во втором десятилетии XXI века локальные и региональные кризисы получили новый импульс: в 2011 г. началась «арабская весна», которая обострила старые конфликты и вызвала новые. Вместе с тем, «арабская весна» окончательно отодвинула на периферию главный ближневосточный конфликт второй половины XX – начала XX веков – арабо-израильский. После арабо-израильской войны 1973 г. стало очевидно, что нового подобного вооруженного столкновения не будет. Главным результатом этой войны стало заключенное в 1978 г. в Кэмп-Дэвиде соглашение, за которым в 1979 г. последовало подписание мирного договора между Египтом и Израилем в Вашингтоне. Сегодня невозможно представить общеарабскую военную коалицию против Израиля, и ближневосточный конфликт превратился в локальный палестино-израильский. По словам французского специалиста по региону Ж.Кепеля, «на следующий день после окончания октябрьской войны 1973 г. бывшее для Ближнего Востока структурировавшей осью израильско-арабское противостояние уступило место иной динамике, взрыву цен на нефть, совпавшему с выходом на сцену политического исламизма».² Этот конфликт более не определяет политическую панораму в регионе и не будет определять ее в дальнейшем. Он сократился до затянувшегося исторического эпизода, в актуализации и нагнетании которого сегодня мало кто заинтересован. К тому же, палестинская сторона уже не пользуется общеарабской поддержкой.

«Арабская весна» обрушила или поставила под вопрос существование режимов в Сирии, Египте, Тунисе, а в Ливии и Йемене – поставила под вопрос целостность самого государства. Одновременно она создала угрозу изменения некоторых сложившихся во второй половине XX века государственных границ.

Незавершенная «весна» – процесс, определяемый как внутренним состоянием местных обществ, так и вмешательством в их дела внешних игроков.

Выглядевшая поначалу как череда отдельных протестных выступлений национального масштаба в разных странах региона, она трансформировалась в региональную революцию против склеротичных местных авторитарных режимов, неспособных решать ключевые проблемы своих стран.

II. Конфликт в Сирии

В Сирии главой государства остается президент Башар Асад. Точно определить размер контролируемой им территории даже в начале 2020-х годов трудно: например, по данным Сирийского центра мониторинга за соблюдением прав человека, Асад в 2020 г. контролировал 72,8% территории,³ однако, по некоторым другим данным, реально речь может идти о менее значительной части территории (правительство контролирует 63%, курдские формирования – 25%, а вооруженная оппозиция – 11%).⁴ Так или иначе, говорить о полноценном контроле Дамаском над всей территорией страны не приходится. Уровень поддержки президента Б.Асада оценить также непросто. Предыдущие выборы в Сирии проходили в 2014 г. в обстановке высокой напряженности, и власть активно использовала административный ресурс. К тому же за годы войны население страны существенно сократилось. По данным ООН, в 2018 г. из 22 миллионов сирийцев 13,5 миллионов были перемещенными лицами, а свыше 5 миллионов покинули родину.⁵ В таких условиях трудно говорить о том, сколько граждан на самом деле могли принять участие в новых выборах.

Что касается разрозненных и ослабленных оппозиционных сил, то добиться устойчивого согласия между собой им вряд ли удастся. Во-первых, у них нет единой платформы переустройства государства. Оппозиционеров объединяет борьба против общего врага (правительства Б.Асада), но будущее страны видится им по-разному. Во-вторых, этому мешают амбиции их лидеров. Оппозиция разделена на три группы, каждая из которых пользуется поддержкой извне: со стороны России («московская группа»), Саудовской Аравии («эс-риядская группа») и Египта («каирская группа»).⁶ Эти группы и представлены на переговорах в Женеве.

В начале войны особую активность на стороне оппозиции проявляла «Сирийская Свободная Армия» (ССА), оценочная численность формирований которой в то время колебалась от 30 до 70 тысяч бойцов. На пике противостояния в середине 2010-х годов на первый план вышли десятки только крупных исламистских группировок, среди которых лидировали исламистские «Джабхат ан-Нусра», «Ансар уль-Ислам», «Ахрар аш-Шам», «Джейш уль-Ислам», не говоря уже об «Исламском государстве» (ИГ), совокупное число боевиков которого могло достигать 100 тысяч человек.

К началу 2020-х ИГИЛ и ССА понесли ряд серьезных поражений, в результате которых их активность оказалась ограниченной районом провинции Идлиб и одноименной «зоны деэскалации», куда в 2020 г. вошли вооруженные силы Турции. ССА трансформировалась в Сирийскую Национальную Армию, число которой к 2020 г. достигает 25 тысяч бойцов и которая состоит в основном из арабов, туркоманов, также нескольких сотен курдов. «Джабхат ан-Нусра» влилась в «Хайат Тахрир аш-Шам», которая также базируется в провинции Идлиб и число боевиков которой составляет около 20 тысяч человек.

Приводя сведения о количественном составе исламистских, да и вообще оппозиционных организаций, следует учитывать, что в большинстве своем они носят оценочный характер. Заметим, что обычно принято говорить о тысячах или

нескольких десятках тысяч, причем, когда оппозиция побеждает, то она выглядит куда более многочисленной, чем в случае ее поражения.

Тем временем Асад не прекращает усилий по консолидации своих сторонников, что становится все сложнее. Помимо внешних союзников (России и Ирана), он опирается на собственный авторитет, а также на личные (семейные и клановые) связи. Это встречает негативную реакцию в обществе, поскольку клановость режима не способствует его популярности.

На май 2021 г. в Сирии было намечено проведение президентских выборов. Если бы Б.Асад решил отказаться от участия в них или уступить власть переходной структуре (в которой могли бы быть представлены и оппозиционные силы, включая религиозных радикалов, но не экстремистов), то 2021 год мог бы стать поворотным. Сирия получила некоторую передышку, в которой страна так нуждается. Вероятность такого сценария, однако, изначально была невелика и не оправдалась. На состоявшихся 26 мая 2021 г., естественно, на контролируемой правительством территории страны, президентских выборах (вторых после начала гражданской войны) ожидаемо победил Асад, набравший более 95% голосов и избранный на очередные семь лет.⁷

Если исключить крайние варианты смены власти – военный переворот или внезапный (например, из-за «несчастливого случая») уход Асада с политической сцены, – то страной рано или поздно будет управлять переходный орган. Предложения по формированию такого временного института поступают периодически. Одно из них озвучил сирийский политолог Ясир Бадави, предложивший создать Военный Совет, в состав которого могли бы войти «как действующие офицеры сирийской армии, которые не были замешаны в убийствах и неподобающих действиях по отношению к мирному населению, так и офицеры-диссиденты».⁸ Вопрос, однако, заключается в том, кто возглавит такой совет. В данном контексте Бадави упоминает генерала Манафа Тласа – сына известного своей пророссийской ориентацией Мустафы Тласа, в 1972–2002 годах занимавшего пост министра обороны Сирии. Такой состав совета вряд ли удовлетворит всю оппозицию, но сама попытка его создания может оказаться шагом к достижению компромисса.

В то же время даже гипотетическое перемирие, по всей видимости, окажется хрупким. Соперничество продолжится, и каждое политическое движение или группировка будет бороться за то, чтобы играть главную роль в Сирии. На все это накладываются религиозные противоречия между алавитами и суннитами, а также пока приглушенная и относительно локализованная, но не нейтрализованная полностью активность радикалов-исламистов. В обстановке общественно-политического хаоса у последних может возникнуть желание вновь опробовать идею создания «исламского государства».

В этих обстоятельствах особое значение имеет то, как в обстановке транзита поведут себя внешние акторы, прежде всего Россия, Иран и Турция.

Для России Сирия является воротами на Ближний Восток, а российское присутствие в арабской республике – свидетельство политической и военной мощи РФ как великой державы. К тому же в Кремле восстание против Асада начала 2010-х годов интерпретируется как инициированная Западом «цветная революция», а такие революции воспринимаются крайне болезненно, поскольку в Грузии и на Украине они привели к ослаблению российского влияния.⁹ Вместе с тем, за исключением продажи в кредит оружия, экономические интересы России в Сирии были невелики: по крайней мере, до войны на Сирию приходилось всего 2% экономических связей РФ с Ближним Востоком.¹⁰

Асад, сохранение которого у власти в значительной степени обеспечивает Россия, остается гарантом ее устойчивого присутствия в Сирии. Связка «Асад в Сирии – Россия на Ближнем Востоке» в случае его ухода может «разорваться», и потому РФ делает все возможное для сохранения у власти своего ставленника. Неудача в Сирии окажется для Москвы серьезным ударом по ее внешней политике, ослабит ее международный авторитет.

Россию поддерживает Иран: маловероятно, что, в случае замены Асада на какую-либо иную фигуру (а следующим главой Сирии вряд ли станет алавит), Тегеран сохранит здесь такое же сильное влияние как то, что он имеет сегодня. Это также может повлечь снижение авторитета Ирана в регионе в целом.

Что касается Турции, то она, хотя и будет публично приветствовать уход Асада, скорее всего, займет осторожную позицию, которая будет зависеть от состава переходного органа и от того, кто его возглавит. Фигуры однозначно протурецкой ориентации среди сирийских политиков пока не появилось, и вряд ли таковая появится в ближайшее время.

Примет ли Башар Асад решение участвовать и в президентских выборах? Если да, то его предсказуемая победа будет формальной: ее не признают в большинстве стран, в т. ч. арабских. В таком случае обстановка в Сирии сильно не изменится, а остатки вооруженного противостояния могут продолжаться годами. Нельзя исключать и очередного обострения этого противостояния.

III. Конфликт в Ливии

Ситуация в Ливии остается сложной. Подобно сирийскому противостоянию, ливийский конфликт вписался в «арабскую весну». Его причины заключаются в нерешенности социально-экономических проблем и в стремлении части ливийцев избавиться от захватившего власть еще в 1969 г. Муаммара Каддафи, возможности для реализации которого были созданы в условиях западной интервенции против режима Каддафи 2011 г. Как бы ни оценивать деятельность этого диктатора, следует признать, что за время его правления Ливия из «незаметного» объекта превратилась в значимый субъект ближневосточной и даже мировой политики. После же свержения Каддафи страна не просто вновь оказалась объектом, но и деградировала до хронической раздробленности, нестабильности, развала государства и междоусобных столкновений.

Два принципиальных отличия ливийской ситуации от сирийской состоят, с одной стороны, в том, что в теперь уже бывшей *джамахирии* восставшие одержали победу при поддержке внешних интервентов. С другой стороны, успешная «революция» поставила под вопрос само существование Ливии как единого государства. Следствием «революции» может оказаться распад Ливии как минимум на две части – Триполитанию и Киренаику. В состав Ливии также входит населенная племенами пустынная территория Феццан, которая после распада страны попадет под контроль одной из враждующих сторон.

В ходе начавшейся гражданской войны сложились два враждующих между собой административных и силовых полюса в городах Триполи и Тобруке. В Триполитании было сформировано признанное ООН и Европейским союзом Правительство Национального Единства (ПНЕ), которое в 2015–2021 годы возглавлял Файез Сарадж. В Киренаике, в г. Тобрук заседает Палата представителей Ливии. Главной военно-политической силой Киренаики является Ливийская Национальная Армия (ЛНА) во главе с маршалом Халифой Хафтаром.

Бои между противоборствующими силами идут с переменным успехом и сопровождаются взаимными поисками перемирия и согласия, причем всякий раз за него ратует та сторона, которая на данный момент терпит неудачи. Так было в 2019 г., когда армии Хафтару удалось войти в Триполи и установить контроль над Феццаном, включая нефтяные месторождения «Шарара» и «аль-Филь». Спасти свое правительство Сарадж сумел во многом благодаря поддержке его исламистами, не забывшими, как в 2014 г. Хафтар, проведя операцию «Достоинство Ливии», нанес сокрушительный удар по Аль-Каиде, перебравшимся в Ливию боевикам «Исламского государства» (ИГ) и «братьям-мусульманам». После того, как Хафтару не удалось взять контроль над Триполи, а ЛНА пришлось отступить, позиции ее командующего ослабли, и он уже сам заговорил о политическом решении конфликта.

Помимо ПНЕ и ЛНА, в военном противостоянии задействованы более мелкие автономные группировки, которые, в зависимости от обстоятельств, могут выступать на стороне одного или другого соперничающего центра. Более других заметна группировка, базирующаяся в третьем по величине ливийском городе Мисурате. Ее лидер Фатхи Башага некоторое время занимал в ПНЕ должность министра внутренних дел. В апреле 2019 г. его сторонники, в частности состоявший из исламистов «Батальон аль-Фарук», участвовали в обороне Триполи от войск Хафтару. Другая локальная группировка базируется в г. Сабрата.

Надежды противников на свой военный успех долгое время тормозили достижение компромисса. Однако в начале 2020-х годов вера в свою победу у каждого из них поуясла, и психология сторон конфликта постепенно меняется.

Ливийский конфликт оказался в тупике не только из-за соперничества между Триполитанией и Киренаикой, но также из-за противоречий внутри каждого лагеря. Ни Хафтар, ни Сарадж не могли быть полностью уверены в поддержке своих сторонников, которая зависит от военных успехов сторон. У Хафтару складываются непростые отношения со спикером парламента в Бенгази Агилой Салехом. Сарадж, как уже отмечалось, имел разногласия с министром внутренних дел Фашаги, что привело к отставке последнего.

Важным шагом в направлении урегулирования конфликта стало создание в 2020 г. на переговорах в Женеве Ливийского военного комитета, в который вошло по пять представителей от каждой стороны, отчего он получил название «5+5». Тогда же был составлен проект соглашения, который включал шесть условий, в т. ч. прекращение огня, налаживание политического процесса и эмбарго на поставки вооружений извне. Также был сформулирован призыв к внешним игрокам не вмешиваться во внутренние дела Ливии. Этот призыв оказался не более чем декларацией, поскольку отказываться от помощи извне и та, и другая сторона не планировала.

В феврале 2021 г. в рамках Форума ливийского диалога под эгидой ООН были проведены выборы нового «общеливийского» премьер-министра и главы Президентского Совета, в которых участвовали представители всех группировок за исключением исламистов (хотя среди кандидатов на пост главы совета все же фигурировали деятели, близкие к исламистским организациям, например, к «братьям-мусульманам»). Премьер-министром был избран Абд аль-Хамид Дбеиба, а главой Президентского Совета – Мухаммад Юсеф аль-Менфи. Дбеиба – выходец из Мисураты, а Манафи – из Тобрука, хотя и не входит в круг сторонников Хафтару и некоторое время работал в ПНЕ. Два других члена Президентского совета представляют Триполи и Феццан. Спустя несколько дней после выборов уже бывший глава ПНЕ Файез Сарадж и многие его соратники покинули Ливию.

Два ключевых поста в стране заняли далеко не самые известные люди. За ними нет боевого прошлого, и они не заинтересованы в обострении конфликта. Своей главной задачей Президентский совет и премьер-министр видят проведение в декабре 2021 г. общеливийских выборов. Это должно привести к формированию единого парламента и, в конечном счете, стать решающим шагом к сплочению общества и сохранению целостности Ливии. Обращает на себя внимание тот факт, что в состав правительства вошли три женщины, одна из которых, Ламия Абуседра, получила пост министра иностранных дел. Это указывает на желание нового руководства Ливии заручиться симпатиями мирового сообщества, в первую очередь ЕС и США.

Обстановка в Ливии в огромной степени зависит от действий внешних игроков, чьи позиции расходятся. На стороне признанного ООН и Евросоюзом ПНЕ выступают Турция и Катар, тогда как Россия, Египет, Объединенные Арабские Эмираты и Франция поддерживают Хафтара. Самая значительная военная помощь Хафтару, по-видимому, поступала из России, а ПНЕ – из Турции. Если деятельность Президентского совета и нового общеливийского кабинета министров окажется успешной, то активность Хафтара заметно снизится, а его вероятные попытки обострить ситуацию будут рассматриваться как сепаратизм. Это, в свою очередь, может заметно снизить заинтересованность в нем России. Показательно, что глава российского МИДа Сергей Лавров поздравил Менфи и Дбейбу с избранием их на руководящие должности, подчеркнув, что перед ними стоят непростые задачи, и пожелал успеха в их решении.¹¹

От нового расклада сил в Ливии получает выгоду Турция, но при таком развитии событий ей придется вести себя более нейтрально и даже ограничить военные поставки своим союзникам.

Парадокс заключается в том, что, занимая различные и даже взаимоисключающие позиции, все внешние акторы выступают за сохранение целостности Ливии. Такое единство взглядов обусловлено рядом причин. Первая заключается в том, что распад Ливии приведет к тому, что на Ближнем Востоке будет уже, как минимум, два несостоявшихся государства (“failed states”), наряду с Йеменом, что ухудшит ситуацию в регионе. Вторая причина: слабые квазигосударства небезосновательно рассматриваются как удобное поле для активизации экстремистских сил, которые могут рискнуть пойти на очередной эксперимент с «исламским государством». Наконец, коллапс Ливии неизбежно вызовет новый всплеск потоков беженцев в Европу.

Таким образом, единственным приемлемым для всех региональных и внерегиональных игроков сценарием остается восстановление единой Ливии. Вряд ли во главе возрожденного государства окажется диктатор наподобие Муаммара Каддафи. Таковым не станет и воинственно настроенный Халифа Хафтар, который считается едва ли ни главным препятствием на пути общеливийского согласия. Идея возрождения монархии также выглядит утопией. Для образования же «исламского государства» у религиозных радикалов недостаточно сил, особенно если учесть, что этому будут препятствовать внешние игроки.

Сохранение Ливии возможно на основе диалога, поиска компромиссов и создания эффективно работающих общегосударственных институтов, что должно гарантироваться согласованным контролем извне.

IV. Конфликт в Йемене

Йеменский конфликт не имеет непосредственной привязки к «арабской весне», хотя и обострился в ее контекста, и его можно считать очередным этапом длящегося десятилетиями конфликта на юге Аравийского полуострова. Как единое государство Йемен образовался лишь в 1990 г. в результате объединения Йеменской Аравийской Республики и Народной Демократической Республики Южного Йемена. Однако антагонизм между Севером и Югом сохранялся, порой принимая острые формы, а в 1996 г. вылился в гражданскую войну.

Нынешняя йеменская турбулентность вызвана резко возросшей в 2014–2015 годы активностью хуситов – шиитов зейдитского толка,¹² составляющих около 30% населения Йемена и именуемых так по имени их первого лидера имама Хусейна аль-Хуси. Военное крыло хуситского движения – радикальная исламистская организация «Ансар Аллах». Еще в 2004 г. хуситы, подняв восстание, установили контроль над несколькими южными районами Йемена. В 2011 г. они участвовали в свержении президента страны Али Абдаллы Салеха, а в 2014 г. установили контроль над большей частью столицы Йемена Саны и захватили несколько крупных городов. В 2015 г. хуситы, совершив государственный переворот, создали временное правительство, объявившее об образовании Революционного комитета, во главе которого стал двоюродный брат хуситского лидера Мухаммад Али аль-Хуси. Распространились слухи, что цель хуситов – создать в Йемене шиитский имамат.

Успехи поддерживаемых шиитским Ираном хуситов вызвали реакцию со стороны Саудовской Аравии и других государств Персидского залива. В 2015 г. по инициативе Эр-Рияда и под эгидой Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива была создана коалиция из десяти мусульманских суннитских стран, войска которой вступили на территорию Йемена. Бои между коалицией и хуситами не прекращаются и идут с переменным успехом. С 2015 г. хуситы наносили удары крылатыми ракетами и беспилотниками непосредственно по территории Саудовской Аравии – по нефтеносным районам, нефтеперерабатывающим заводам, военным базам и аэропортам. В 2019 г. одна такая атака вызвала сокращение нефтедобычи. На рубеже 2020–2021 годов хуситы еще более укрепили свои позиции. С весны 2020 г. особой остроты достигло сражение за йеменскую провинцию Мариб, где находятся месторождения углеводородов. Эта битва может оказаться ключевой в противостоянии между хуситами и коалицией.

Война привела к масштабной гуманитарной катастрофе. По данным ООН, в 2021 г. в Йемене от недоедания могут пострадать 2,3 млн. детей в возрасте до пяти лет, из которых примерно 400 тысяч находятся в крайне тяжелом положении и могут умереть.¹³

Йеменское общество устало от войны. Взаимная шиито-суннитская неприязнь в Йемене далеко не столь остра, как это принято считать. На бытовом уровне местные шииты и сунниты давно привыкли друг к другу; известны случаи, когда они помогали друг другу в ситуациях преследований на религиозной почве. При этом конфликт провоцируется политическими и клановыми группировками. Идет борьба за власть, в которой мирным жителям отводится роль статистов.

Антихуситская коалиция не является единой. Для Саудовской Аравии разгром хуситов имеет важнейшее значение, так как она надеется избавиться от напряженности на своих границах. К тому же это было бы очевидным успехом королевства в борьбе с Ираном за влияние в регионе. ОАЭ же, начиная с 2019 г.,

сокращают свою военную активность в регионе, свидетельством чему является частичный демонтаж базы ОАЭ «Асаб», расположенной в Эритрее, откуда в Йемен проникали суданские наемники и шли поставки вооружения. Возможно, пассивность ОАЭ объясняется тем, что их расчет на окончательный раскол Йемена, который, в частности, мог бы привести к присоединению к Эмиратам йеменского острова Сокотра, пока не оправдывается.

В отличие от сирийского и ливийского конфликтов, противостояние в Йемене ограничено региональными рамками и значением, хотя оно и углубляет раскол глобальной мусульманской общины (*уммы*). Даже его мирное урегулирование, на которое пока надеяться не приходится, не приведет к существенному снижению остроты противостояния между Ираном и Саудовской Аравией, а следовательно, и шиито-суннитского антагонизма, остающегося одним из основных векторов конфликтогенности в мусульманском мире.

По словам Л.Исаева и К.Семенова, «Йемен во многом остается заложником своей периферийности не только в глобальном, но и региональном плане, что приводит к серьезному дефициту интереса по отношению к этой стране».¹⁴ В США о нем говорят преимущественно в связи с саудовско-иранскими отношениями. Однозначно выступать на стороне саудовской монархии США не намерены, о чем свидетельствует принятое в 2021 г. решение президента Дж.Байдена приостановить поставки Эр-Рияду некоторых видов военной техники и снаряжения. Европейские страны, по большому счету, равнодушны к йеменской трагедии. Для России йеменский конфликт не представляет большого интереса, поскольку участие в нем не дает ни значимых политических дивидендов (российское миротворческое посредничество не представляется эффективным), ни военно-стратегических бонусов. В Кремле не сложилось четкой позиции о том, какую из соперничающих фракций целесообразно поддерживать.

В целом, надеяться на урегулирование йеменского конфликта в ближайшее время не приходится. В марте 2021 г. Саудовская Аравия, у которой недостаточно сил для того, чтобы переломить ситуацию в Йемене в свою пользу, предложила хуситам план по урегулированию конфликта, включающий прекращение огня, возобновление мирных переговоров и частичное снятие блокады. Однако руководство хуситского движения отнеслось к этому плану скептически, сочтя его дипломатической уловкой. Также вряд ли следует ожидать рост интереса к Йемену со стороны зарубежных стран и международных организаций, чья деятельность будет ограничиваться оказанием гуманитарной помощи.

V. Прогноз развития ближневосточных конфликтов

Ближний Восток перенасыщен конфликтами. В дополнение к рассмотренным выше конфликтам, перманентная напряженность имеет место в Ливане, Ираке, Египте и Палестине. В Тунисе и Алжире общество сохраняет относительное спокойствие в расчете на позитивные перемены. Однако и здесь обстановка может обостриться, если такие перемены не состоятся. Весной 2021 г. в Иордании была предпринята попытка государственного переворота под лозунгом «король ведет нас не туда!». Почти во всех странах региона обстановка взрывоопасна, что чревато «второй волной арабской весны».

С большой вероятностью такая «волна» обрушится на Ирак, который, по мнению российского арабиста Николая Плотникова, «может пополнить список несостоявшихся государств».¹⁵ Экономика страны два десятилетия не может выйти из кризиса, а доходы от нефти сокращаются. Ирак раздроблен по этническому,

религиозному и региональному принципам. Не прекращаются спорадические выступления сторонников сильно ослабшего и потерявшего контроль над большей частью ранее захваченной им территории ИГ. В начале 2020 г. отдельные отряды ИГ вплотную подходили к Багдаду.¹⁶ Центральная власть остается мало дееспособной и не обладает полным контролем над ситуацией в стране. В 2021 г. в Ираке состоятся парламентские выборы, после которых вновь созданный Совет представителей изберет президента и премьера. Однако сложно предсказать приведет ли все это к стабилизации обстановки.

Особняком стоит курдская проблема, решить которую, особенно в условиях нынешних конфликтов, не представляется возможным. Сопричастные к ней США, Россия, Европа оказались неспособными найти варианты ее решения. По меткому замечанию Андрея Исаева, «со времен знаменитого романа Джеймса Олдриджа мало что изменилось: основная ставка по-прежнему – на горы и оружие».¹⁷

Следует учитывать высокую вероятность обострения обстановки в странах Персидского залива, ситуацию в регионе которого некоторые эксперты определяют как «хроническое отсутствие безопасности» (“chronic insecurity”).¹⁸ Внутренние противоречия имеют место в Саудовской Аравии, где наследник престола принц Мухаммед бин Салман предложил «Программу национальной трансформации», стратегической целью которой является модернизация саудовского общества и которую планируется реализовать к 2030 г.¹⁹ Данная программа вызвала в обществе смешанную реакцию: против нее выступают консерваторы, поддерживаемые большей частью духовенства. Принц Мухаммад принимает против своих противников, в т. ч. членов королевской семьи, самые жесткие меры вплоть до тюремных наказаний. За развитием внутрисаудовских противоречий внимательно наблюдают как соседи королевства, так и его партнеры на Западе.

Общий прогноз эволюции ближневосточных конфликтов неутешителен. Они стагнируют, а их полноценное завершение в ближайшие годы маловероятно. Ни одна из участвующих в них сторон неспособна добиться подавляющего политического и военного превосходства. При этом спорадические консенсусы между ними не приводят к устойчивому компромиссу.

Вызванные актуальными противоречиями, данные конфликты имеют и глубокие исторические корни, а также сами обостряют межэтнические и религиозные противоречия, чему способствует эскалация активности исламских радикалов. Как отмечал Д.Брумберг, «Исламисты продвигают свое дело, одерживая верх над своими светскими и этническими соперниками».²⁰ Особую опасность представляет, по выражению Е.Степановой, «транснациональный круговорот боевиков-террористов», в т. ч. прошедших войны в Сирии и Ираке в рядах ИГ и других радикальных группировок.²¹

Политический ислам стал постоянным фактором, и без его учета и без диалога с исламистами нормализация ситуации на Ближнем Востоке невозможна. Подобные контакты уже давно имеют место, причем не только в этом регионе.

Противоречивую роль в регулировании вооруженных конфликтов в регионе играют внешние акторы. С одной стороны, они участвуют в конфликтах как посредники, а с другой стороны, большинство таких посредников выступает на стороне какой-либо из противоборствующих сторон. К тому же, поддерживая своих местных союзников, внешние участники исходят из собственных более широких стратегических интересов. Как в свое время отмечали Р.Андерсон, Р.Стиберт и Дж.Вагнер, «Ближний Восток следует рассматривать не как экзотическую область для интеллектуальных штудий, но как неразрывную часть общего понимания мира».²²

Так, например, Россия в Сирии не только исходит из цели утверждения своего влияния на Ближнем Востоке, но и рассматривает свое присутствие в этой стране в контексте противостояния с Западом. Зеркально поступают и США, хотя их заинтересованность в проблемах Ближнего Востока постепенно снижается, а с приходом к власти президента Дж.Байдена эта тенденция продолжится.

Так или иначе, практически неизбежная интернационализация конфликтов делает их урегулирование еще более затруднительным. «Хотя в историческом плане Ближний Восток был крайне доступной для внешнего проникновения системой, в последние несколько лет природа и сущность участия в его делах мировых держав решительно изменилась», – справедливо утверждает профессор катарского филиала Джорджтаунского университета Мехран Камрава. – «Пока США и ЕС, даже Великобритания продолжают поддерживать здесь свои военные и политические интересы, но их воздействие на регион в ближайшие годы будет сокращаться».²³

При этом на Ближнем Востоке сохраняется высокая вероятность формирования новых, сегодня не заметных обстоятельств и факторов, которые могут привести к возникновению новых конфликтов, способных еще более усложнить ситуацию в регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Davutoglu A. We in Turkey and the Middle East have replaced humiliation with dignity // The Guardian. 15 March 2011.

² Kepel G. Sortir du chaos: Les crises en Mediterranee et au Moyen Orient. – P.: Gallimard, 2018. P. 449.

³ Сирийские правительственные силы контролируют 72 процентов территории страны // Синьхуа. 30.01.2020. URL: <https://news.rambler.ru/africa/43595275-siriyskie-pravitelstvennye-sily-kontroliruyut-72-prots-territorii-strany> (дата обращения 02.02.2021).

⁴ См. карту, составленную аналитиками близкого к сирийской оппозиции центра “Jusoer for Studies”, на 1 ноября 2020 г. URL: <https://www.jusoer.co/details/MAP-OF-MILITARY-INFLUENCE-IN-SYRIA-01-11-2020/793/en> (дата обращения 10.01.2021).

⁵ См.: Refugees of the Syrian Civil War // Wikimedia. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Refugees_of_the_Syrian_Civil_War (accessed 20 May 2021).

⁶ Исаев Л., Коротаев А. Анатомия сирийской оппозиции. Кто они и чего требуют на переговорах. Московский центр Карнеги. 27 июня 2016. URL: <https://carnegie.ru/commentary/63901> (дата обращения 10.05.2021).

⁷ Башар Асад выиграл президентские выборы в Сирии // Известия. 27 мая 2021.

⁸ Бадави Я. Альтернативой Асаду может стать Военный совет // Независимая газета. 8 февраля 2021.

⁹ Allison R. Russia, the West and Military Intervention. – Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 123.

¹⁰ Nocetti J. La Russie de Vladimir Poutine au Moyen-Orient: analyses d'une ambition de “Retour” (2000–2013). These presentee par Julien Nocetti soutenue le 1er juillet 2019. – P.: Institut National des Langues et Civilisations orientales, 2019. P. 373.

¹¹ Лавров поздравил с избранием глав переходной администрации Ливии // Информгентство "Regnum". 08.02.2021. URL: <https://news.rambler.ru/world/45773425-lavrov-pozdravil-s-izbraniem-glav-perehodnoy-administratsii-livii> (дата обращения 10.05.2021).

¹² Зейдиты – образовавшееся в VIII веке течение в шиизме, поддерживавшее право Зейда ибн Али на верховное руководство мусульманской общиной.

¹³ ООН: миллионам детей в Йемене грозит голод // РИА Новости. 12.02.2021.
URL: <https://ria.ru/20210212/golod-1597293039.html> (дата обращения 10.05.2021).

¹⁴ Исаев Л.М., Семенов К.В. Йемен: бесконечная война // Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. Ред. А.М.Васильев, А.В.Коротаев, Л.М.Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 161.

¹⁵ Плотников Н. Список несостоявшихся государств может пополнить Ирак // Независимая газета. 25 февраля 2021.

¹⁶ «Разгромленное» ИГ вышло на подступы к Багдаду: армия развернула операцию // EurAsia Daily. 02.07.2020. URL: <https://easaily.com/ru/news/2020/07/02/razgromlennoe-ig-vyshlo-na-podstupy-k-bagdadu-armiya-razvernula-operaciyu> (дата обращения 01.05.2021).

¹⁷ Исаев А. «Курдская весна» или «курдская проблема» // Международная Жизнь. 16 октября 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27793> (дата обращения 10.12.2020).

¹⁸ Kamrava M. Troubled Waters: Insecurity in the Persian Gulf. – Ithaca (N.Y.); L.: Cornell University Press, 2018. P. 13.

¹⁹ См.: Saudi Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa> (дата обращения 28.04.2021).

²⁰ Brumberg D. Liberalization versus Democracy // Uncharted Journey. Eds. Th. Carothers and M.Ottaway. – Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P. 29.

²¹ Степанова Е.А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков террористов в Сирии и Ираке. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 173.

²² Anderson R., Stibert R., and Wagner J. Politics and Change in the Middle East: Sources of Conflict and Accommodation. 8th ed. – L.: Taylor & Francis, 2006. P. 2.

²³ Kamrava M. Multipolarity and instability in the Middle East // Orbis. V. 62. No. 4. Fall 2018. URL: <https://www.fpri.org/article/2018/11/multipolarity-and-instability-in-the-middle-east> (accessed 20.05.2021).

БИБЛИОГРАФИЯ

Исаев А. «Курдская весна» или «курдская проблема»? // Международная Жизнь. 16 октября 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27793> (дата обращения 10.12.2020).

Исаев Л., Коротаев А. Анатомия сирийской оппозиции: кто они и чего требуют на переговорах // Московский центр Карнеги. 27 июня 2016. URL: <https://carnegie.ru/commentary/63901>.

Исаев Л.М., Семенов К.В. Йемен: бесконечная война // Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. Ред. А.М.Васильев, А.В.Коротаев, Л.М.Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 156–173.

Степанова Е.А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков террористов в Сирии и Ираке. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. 198 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0583-3.

-
- Allison R. *Russia, the West, and Military Intervention*. – Oxford: Oxford University Press, 2013. 308 p.
DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199590636.001.0001.
- Anderson R., Stibert R., Wagner J. *Politics and Change in the Middle East: Sources of Conflict and Accommodation*. 8th ed. – L.: Taylor & Francis, 2006. 363 p.
- Brumberg D. Liberalization versus Democracy // *Uncharted Journey*. Eds. Th. Carothers and M. Ottaway. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P. 15–36.
- Kamrava M. Multipolarity and Instability in the Middle East // *Orbis*. V. 62. No. 4. Fall 2018.
URL: <https://www.fpri.org/article/2018/11/multipolarity-and-instability-in-the-middle-east>
(accessed 20.05.2021).
- Kamrava M. *Troubled Waters: Insecurity in the Persian Gulf*. – Ithaca (N.Y.); L.: Cornell University Press, 2018. 210 p.
- Kepel G. *Sortir du chaos: Les crises en Mediterranee et au Moyen Orient*. – P.: Gallimard, 2018. 528 p.
- Nocetti J. *La Russie de Vladimir Poutine au Moyen-Orient: analyses d'une ambition de "Retour" (2000–2013)*. These presentee par Julien Nocetti soutenue le 1er juillet 2019. – P.: Institut National des Langues et Civilisations orientales, 2019.

BIBLIOGRAPHY

- Allison R. (2013). *Russia, the West, and Military Intervention*. Oxford: Oxford University Press. 308 p.
DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199590636.001.0001.
- Anderson R., Stibert R., and Wagner J. (2006). *Politics and Change in the Middle East: Sources of Conflict and Accommodation*. 8th ed. London: Taylor & Francis. 363 p.
- Brumberg D. (2005). Liberalization versus Democracy. In *Uncharted Journey*. Eds. Th. Carothers and M. Ottaway. Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. 15–36.
- Isayev A. (2020). "Kurdskaya vesna" ili "kurdskaya problema"? ["Kurdish Spring" or "Kurdish Problem"?]. *Mezhdunarodnaya Zhizn'* [The International Affairs]. 16 October.
URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27793> (accessed 10.12.2020).
- Isayev L. and Korotayev A. (2016). Anatomiya siriiskoi oppozitsii: kto oni i chego trebuyut na peregovorakh [Anatomy of the Syrian opposition: Who are they and what do they require during negotiations]. Moscow Carnegie Center. June 27. URL: <https://carnegie.ru/commentary/63901>.
- Isayev L.M. and Semyonov K.V. (2019). Iemen: beskonechnaya voyna [Yemen: The Endless War]. In *Skhvatka za Blizhnii Vostok. Regional'nye aktory v usloviyakh rekonfiguratsii blizhnnevostochnogo konflikta*. [Struggle for the Middle East: Regional Actors in the Context of Reconfiguration of the Middle Eastern Conflict]. Eds. A.M. Vasil'ev, A.V. Korotaev, and L.M. Isaev. Moscow: LENAND, 156–173.
- Kamrava M. (2018). Multipolarity and Instability in the Middle East. *Orbis*. V. 62. No. 4.
URL: <https://www.fpri.org/article/2018/11/multipolarity-and-instability-in-the-middle-east>
(accessed 20.05.2021).
- Kamrava M. (2018). *Troubled Waters: Insecurity in the Persian Gulf*. Ithaca (N.Y.); London: Cornell University Press. 210 p.
- Kepel G. (2018). *Sortir du chaos. Les crises en Mediterranee et au Moyen Orient*. Paris: Gallimard. 528 p.
- Nocetti J. (2019). *La Russie de Vladimir Poutine au Moyen-Orient: analyses d'une ambition de "Retour" (2000–2013)*. These presentee par Julien Nocetti soutenue le 1er juillet 2019. Paris: Institut National des Langues et Civilisations orientales.
- Stepanova E. (2020). *IGIL i fenomen inostrannykh boyevikov terroristov v Sirii i Irake* [ISIS and the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in Syria and Iraq]. Moscow: IMEMO RAN. 198 p.
DOI: 10.20542/978-5-9535-0583-3.